

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Недвижимость Фореггера и Катлея

О ней сказать уместно, поскольку Фореггер уже упоминался и ранее, а недвижимость его находилась поблизости и была весьма приметной. Коммерции советник *Антон (Антонцус) Фореггер* и его деловой партнер, компаньон, одесский 1-й гильдии купец *Иван (Джон) Катлей*, учредители коммерческого дома «Фореггер и Катлей» – крупные экспортеры и импортеры широкого профиля через одесский порт.⁴⁸⁶ С весны 1805-го они стали активно скупать в Одессе недвижимость, которую затем позитивно преобразовывали. Они также получали под застройку и пустопорожние места.

1 мая 1805-го в журнале заседаний ОСК отмечена покупка этой фирмой дома и места у одесского мещанина Петра Зотова, сообщена и предыстория застройки. Данный участок соответствует середине нечетной стороны квартала по улице Успенской, меж Ришельевской и Итальянской – части современной постройки, № 69/67 на стыке с № 65.⁴⁸⁷ В июле 1806-го компаньоны прилично застроили место на углу улиц Итальянской (Пушкинская, № 31) и Еврейской, № 15.⁴⁸⁸ В июле 1812-го Фореггер получил места по четной стороне Почтовой улицы (Жуковского, № 12), на углу Польской, № 18.⁴⁸⁹ Не позднее мая 1813-го он владел магазином по четной стороне Канатной улицы.⁴⁹⁰

1 декабря 1814-го Фореггер доводит до сведения ОСК, что продолжает строить дом и магазин на углу Итальянской (Пушкинской, № 23) и Почтовой (Жуковского, № 13) улиц.⁴⁹¹ В мае 1822-го

---

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-70.

Руины дома Фореггера и Катлея на углу улиц Пушкинской и Жуковского. 2017 г.

эти давно готовые постройки были обмерены.⁴⁹² Двухэтажный дом, о котором тут идет речь, подвергся пожару в 2007-м. Я сам наблюдал это происшествие, поскольку как раз находился в расположенном накрест через улицу Облгосархиве. С тех пор здание лежит в руинах, частично подвергшись разборке. Обследование кладок свидетельствует о давности и функциональном назначении постройки: в нижнем этаже располагались лавки с характерными сводчатыми окнами и входами, в верхнем – жилые покои. На внутренней боковой грани здания видны заделанные окна, прежде выходившие во двор, – в ту пору, когда дом на смежном участке по Итальянской улице занимал лишь около половины фасада, то есть когда застройка тут еще не была сплошной.

Граф Леон Рощешуар пишет: «Нередко встречались мы с гостеприимными семьями английского торговца, господина Катлея, женатого на прекрасной венке, и немецкого банкира (Фореггера. – О. Г.), вдовца и отца двух очень милых девушек».⁴⁹³ «Прекрасную венку» звали Терезией. В интервале меж 1823 и 1825-м она овдовела, после чего вышла замуж за представителя

известного семейства Гогель. 4 января 1826-го запросила свидетельство на доставшийся от покойного супруга хутор, владельческие документы на который он получил 31 июля 1821 года.⁴⁹⁴

XIII квартал

Помимо Греческой он ограничен улицами Итальянской (Пушкинской), Полицейской (Бунина) и Ришельевской. Как видно из первого генплана, интенсивная застройка этого квартала началась как раз по Греческой улице. Угловое место № 108 по ее нечетной стороне (ныне пятно застройки домом № 19) и нечетной стороне Ришельевской было уступлено тому же И.П. Дестуни другим авторитетным в юной Одессе ионическим греком, уроженцем города Левкада, тоже одним из первых одесских бургомистров (1796), маклеров, юристов, *Федором Зафириевичем Флогаити* (1755-1823). 12 октября 1794-го он получил от де Рибаса места № 107 и 108, по смежности с «№ 106 купца Федораки, а позади – № 104, купца Кленова». Флогаити начал застройку с № 107 (ул. Греческая, № 17), «потом усмотрел тягостно в назначенный срок застроить другое место, в 1795-м годе уступил» Дестуни «угольное под № 108 место, на которой, получа оное, т. к. тогда в Одессе Комитет устроен еще не был, и каждой по новости города строил, как кто мог, застроил» он «показанное угольное место, которое строение потом, изломав, как не по плану был выстроен, и потом выстроил на оное по данной» ему «от Комитета плану дом». Проанализировав ситуацию, Комитет выдал Дестуни владельческие документы 29 июля 1815 года.⁴⁹⁵

Факт плановой перестройки в 1815-м и высокая оценочная стоимость свидетельствуют о том, что дом Дестуни был солидный, двухэтажный. Это можно сказать и о доме Флогаити. Почему? Потому что он тоже реконструировал первичную постройку, для чего 20 декабря 1806-го взял ссуду в Строительном комитете.⁴⁹⁶ К слову, и Дестуни тогда получил ссуду на тот же предмет,⁴⁹⁷ и оценочная стоимость архаической постройки уже составляла 8.000 рублей⁴⁹⁸. А существующий на тот момент дом Флогаити получил оценку 8.500 рублей.⁴⁹⁹ Похоже, он вообще застроился первым в этом квартале, поскольку владел им «по открытому листу, выдан-

ному от вице-адмирала и кавалера де Рибаса». ⁵⁰⁰ Открытый лист – это не квиток на отвод под застройку, а полноценные владельческие документы, что означает: дом был построен не позднее 1796-го. Из архивных документов 1832 года следует: данной недвижимостью владеют супруга покойного Флогайти Зиновия Юрьевна и сын Василий Федорович, причем оценочная стоимость составляет уже 15.250 рублей. ⁵⁰¹

Резюмируем изложенное: в пушкинское время по обе стороны этого квартала располагались сплошь приличные дома состоятельных греческих купцов, игравших видную роль и в общественных делах.

Дома Сикара и соседние: XII квартал

Продвигаясь вниз по Греческой улице, мы выходим к этому кварталу, ограниченному также Итальянской, Полицейской и Польской. На протяжении первых десятилетий Одессы – это средоточие недвижимости, включая амбары, крупных хлебных экспортеров не греческого происхождения: поляков, югославы, австрийцев, итальянцев, французов. По мере того, как хлебные магазины переносились из центра на периферию, эти, первичные, переоборудовались в доходные дома.

Шарль и Лаура Сикар – более или менее известны специалистам, а отчасти и дилетантам, но лишь благодаря тому, что входили в круг одесских знакомых Пушкина. Принято считать, что поэт некоторое время обитал в «*Hôtel du Nord*»,

по Итальянской улице, находившемся в собственном доме Сикара. Если это так, то пребывание Пушкина здесь было кратковременным: весной 1823 года и (или) в 1822-м, когда он гипотетически мог навещать Одессу. Один из мемуаристов, который не был современником описываемых событий, говорит о посещении Пушкиным дома Сикаров по Садовой улице, но этого не могло быть по той простой причине, что дом построен много лет спустя после окончательного отъезда Александра Сергеевича.

Французский негоциант Шарль (Карл Яковлевич) Сикар (1773-1830) перебрался в Одессу из Марселя вскоре после того, как герцог Ришелье обосновался здесь в качестве главного администратора, пользовался его покровительством, а после отъезда Дюка во Францию их связывала оживленная дружеская переписка. Согласно архивным документам, Сикар вступил в российское подданство из иностранных негоциантов и принял присягу 8 февраля 1807 года.⁵⁰²

К 7-10 августа 1805 года относится первое прошение Сикара об отводе ему мест под застройку – на углу улиц Еврейской и Итальянской, каковые места и были ему отданы Одесским строительным комитетом с санкции герцога Ришелье.⁵⁰³ Однако дом здесь он так и не построил, а лишь оградительную стену, и 24 марта 1810 года участок перешел к другому лицу. 6 января 1812 года он отказался от постройки, точнее – достройки, и в другом месте, отведенном 11 августа 1811 года по нечетной стороне Итальянской улицы, в квартале меж Дерибасовской и Греческой (Пушкинская, № 7). Любопытно, что изначально его отвели первому директору одесского карантина статскому советнику Николаю Егоровичу Карпову: того перевели из Одессы, и потому он не сумел в срок окончить начатую застройку.⁵⁰⁴ Вероятно, планы Сикара в тот момент изменились, и он просто-напросто не мог изъять из оборота необходимые средства. Не позднее лета 1818 года он купил два места и дом по четной стороне Полицейской улицы угол Польской, которые достраивал вместе с братом Людовиком.

Сикар – автор первой, причем блистательной *одессафильской* брошюры «Письма об Одессе», изданной в Санкт-Петербурге

на французском языке (1812), частично публиковавшейся ранее анонимно, а позднее (1818) вышедшей и в русскоязычном варианте. То была не какая-нибудь дешевая и пошлая пиар-акция, наподобие нынешних рекламных атак СМИ. Это скорее исповедь смелого и умелого человека, связавшего свою судьбу с юной Одессой, убедительно демонстрирующей миру коммерческую и социальную привлекательность, выдающиеся перспективы. В то же время здесь опосредованно видится участие де Ришелье – по крайней мере, вдохновляющее.

Как справедливо заметил один достойный исследователь, Сикар, без преувеличения, мыслит категориями, к которым политики и экономисты пришли лишь много лет спустя. В то время, когда вся Европа кипела и саморазрушалась в военных конфликтах, когда и Одесса фактически была прифронтовым городом, дальновидные, взвешенные шаги местной администрации обеспечивали «спокойствие, достаток и благополучие» во всех отношениях пестрого населения. Состоятельность личности – вот главный критерий благополучия по Сикару: насильно никого не осчастливишь. Как хорошо это согласуется с тезисом самого Ришелье: не будем слишком регулировать! Поразительна прямота, с которой автор раскрывает всевозможные коммерческие секреты, нисколько не страшась конкуренции, открыто делится с читателями наработанным опытом, вдаваясь в мельчайшие детали.

В те годы судьба Карла Яковлевича складывалась вполне благополучно. Он осуществлял весьма солидные международные

коммерческие операции, обороты его торгового дома превышали 10 миллионов рублей ежегодно, был комиссаром в чумную эпидемию 1812-1813 гг., в 1814 году женился на Лауре де Тиис (1797-1864), владел разнообразной недвижимостью, пользовался выдающимся авторитетом в гражданском обществе, в 1823-м вошел в состав Комиссии для устройства новой черты порто-франко.

В 1820 году коммерции советник и кавалер Сикар был доверенным лицом графа М.С. Воронцова после покупки последним дома в Одессе и закреплении соответствующего обширного участка на нынешнем Приморском бульваре. Французский негодциант выполнял по доверенности очень ответственные поручения польских шляхтичей, в частности, курировал строительство их домов и магазинов в историческом центре.⁵⁰⁵ «Кавалер» означает, что Сикар награжден российскими орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 3-й, что, между прочим, открывало путь во дворянство.

Согласно архивным документам, «мемориальное место» по нынешней улице Пушкинской, № 13, ему отведено 2 августа 1817 года – с тем чтобы застроить его в полтора года. Однако реально план и фасад этого здания утверждены в Строительном комитете лишь 17 июня 1820-го, а строительство, да и то, скорее всего, без внутренней отделки, как это тогда повсеместно практиковалось, окончилось 3 мая 1821-го,⁵⁰⁶ владельческие документы, как я уже говорил, выданы летом.⁵⁰⁷ Внутреннее обустройство, очевидно, продолжалось летом, когда Сикар еще и территориально разбирался с соседом, протоиереем греческого храма Кириллом.⁵⁰⁸ Все это определенно может означать, что Пушкин никак не мог оставаться в этом доме в 1820-1821 годах.

Вопрос в другом. И.П. Липранди говорит, что Пушкин очень любил бывать у Сикара, на устраиваемых им для избранного круга лиц обедах, где, в частности, познакомился с австрийским консулом фон Томом: «Из всех домов, посещаемых Пушкиным в Одессе, особенно любил он обедать у негодцианта Сикара, некогда французского консула, одного из старейших жителей Одессы и автора брошюры на французском языке о торговле в Одессе. Пять-шесть обедов в год, им даваемых, не иначе как званых и немногочисленных (не более как двадцати четырех чело-

Дом Сикара по ул. Итальянской (Пушкинской)

век, без женщин) действительно были замечательны отсутствием всякого этикета, при высшей сервировке стола. Пушкин был всегда приглашаем, и здесь я его находил, как говорится, совершенно в своей тарелке, дающим иногда волю болтовне, которая любезно принималась собеседниками. Так, однажды кто-то за столом рассказывал подробности бывшей охоты, и в одном случае был упомянут некто Том, относительно встречи с волком, от которого он отделался проявлением присутствия духа. Пушкин, которого всякий подобный случай особенно занимал, спросил: «Который Том – 1-й, 2-й или 3-й?». Один из присутствовавших, почтенной наружности пожилой человек, очень любезно ответил: «Это был 3-й Том». Ответ этот вызвал общий смех, к которому присоединился и Пушкин. Том был австрийский консул в Одессе и старожил города, человек, уважаемый всеми и гостеприимный. У него было два сына, почти одинаковых лет с Пушкиным, с которыми он иногда встречался у Отона, в театральном фойе, и в общем разговоре обменивался словами; но отца их он никогда не видел до вышеприведенного

ответа. Узнав после стола об имени отвечавшего, Пушкин подошел к нему с извинением, и впоследствии он не раз был приглашаем стариком на дачу, кажется, около Дольника».

В каком же доме происходили эти журфиксы? Разумеется, не в отеле. Отпадает и смежный участок по Польской со стороны гостиничного двора, также принадлежавший Сикару: здесь находились магазины (амбары) и служебные помещения. Возможно, сказанные приемы проходили в одном из домов, формально принадлежавших Лауре Сикар, которые находились на нечетной стороне Канатной улицы напротив Еврейской. Владельческие бумаги получены Лаурой соответственно 15 декабря 1820-го и 15 мая 1822 года.⁵⁰⁹

Во всех отношениях удачливый человек, Шарль Сикар ушел из жизни при весьма драматических и даже несколько загадочных обстоятельствах. В феврале 1830 года он отправился на судне в Стамбул по делам и погиб во время кораблекрушения. Некоторые исследователи считают, что гибель им предумышленно имитирована. Основанием к тому служит соображение о финансовом крахе Сикара в конце 1820-х и понятном стремлении по возможности оградить семью от взятых на себя обязательств. Сюда же как бы вписывается другой факт: в ходе этой аварии никто не пострадал, а наш герой пропал без вести.

Впрочем, все эти построения лишь умозрительны. Стала ли ему могилой морская пучина, а может, скромный погост какого-нибудь средиземноморского городка, неизвестно. Так или иначе, Шарль Сикар – один из тех энергичных, самоотверженных деловых людей и в то же время величайших гуманистов, благодаря которым Одесса состоялась.

Еще один момент. Согласно акцизным ведомостям, в начале 1823-го гостиницу содержал сам домовладелец Сикар, а одесский купец Яков Мишель выказывал желание содержать при ней кофейню и стол.⁵¹⁰ В итоге, оформив соответствующие документы, этот предприниматель взял под свое управление весь отель.⁵¹¹

История ранней застройки всего квартала довольно сумбурна: участки, неоконченные и (или) ветхие постройки, заготовленные материалы многократно переходили из рук, что не редкость в то нелегкое время. В частности, тут задействованы: доктор *Джо-*

ванни *Капелло*⁵¹², отставной корнет *Иосиф Шемиот*⁵¹³, семейство *Пеццер* (*Pezzer Natale, Luigi*), негоциантов, биржевиков, банкиров из Дубровника, Рагузы: о них мы будем говорить в разделе, посвященном дому Бларамберга. Фигурантами были: французский предприниматель *Батисто Рубо*, «Крымского виноградного училища учитель» *Фон-дер-Шкруф*, барон *Огер*, брат *Сикара Людовик*, шляхтич *И.К. Загурский*, итальянский хлебный экспортер *Карл Россини* и другие.⁵¹⁴

Довольно значимые постройки в пределах мест № 91-92 (ныне тут гостиница «Бристоль») осуществлены меж 1802-м и 1807-м годами итальянским купцом *Луиджи Марангони*⁵¹⁵, а меж 1812-м и 1818-м они перешли к негоцианту Карлу Россини. До этого времени участки пустовали. Места были застроены по всему периметру, а въездные ворота располагались со стороны Полицейской улицы, ближе к углу Итальянской. Тут и фасадные доходные дома, и хлебные магазины, и службы. Ему же, Россини, принадлежал большой комплекс построек с очень высокой оценочной стоимостью, находившийся напротив, на углу Итальянской и Полицейской улиц⁵¹⁶, по современной нумерации это Пушкинская, № 14, и Бунина, № 16; здания тут, понятно, уже другие. Россини владел еще и хутором площадью 15 десятин, граничащим с так называемым *Дюковским садом*, то есть хутором герцога Ришелье. К слову, Дюк получил под садоводство бывший хутор знаменитого первостроителя Одессы *де Волана*,⁵¹⁷ каковой факт едва ли кому известен.

В 1818-м Сикары приобрели недвижимость Четвертинского, примыкавшую к местам Россини со стороны Польской улицы,⁵¹⁸ то есть им принадлежала половина квартала по улице Полицейской: современная нумерация – Польская, № 12, Бунина, № 12. Учитывая то обстоятельство, что они владели еще и местами, соответствующими нынешним адресам Пушкинская, № 13, и Польская, № 10, есть все основания условно называть XII квартал в пушкинское время кварталом Сикаров.

Приличные постройки довольно рано появились в этом квартале и по Греческой улице. Скажем, место № 97 (по современной нумерации – Греческая, № 9) застроено не позднее 1802-го, а затем достраивалось. О значимости строений свидетельствует тот факт, что 26 ноября 1806-го их владелец, одесский 1-й гильдии

Сохранившиеся дворовые флигели пушкинского времени

купец *Марк Андрич*, о котором мы еще будем говорить, получил немалую ссуду на построение торговых помещений под залог уже существующей тут недвижимости.⁵¹⁹ Затем место со строениями перешло к упоминавшемуся «митрополиту и кавалеру» Кириллу, которому 5 июня 1822-го Строительный комитет утвердил план и фасад на построение здесь нового дома либо капитальную реконструкцию прежнего.⁵²⁰

Подводя итоги, скажем: в пушкинское время XII квартал представлял собой весьма любопытный, необычный для жителя северной столицы функционально, социально и этнически пестрый конгломерат. Доходные дома, лавки и даже хлебные магазины по фасаду, неладно скроенный, но крепко сшитый быт: арендаторы жилых помещений вынуждены были мириться с постоянным въездом и выездом во двory груженых зерном фур, пыльной работой так называемых *лопатников*, то есть рабочих, перемещающих зерно с места на место для просушки. Иначе и быть не могло в городе, процветавшем за счет хлебно-го экспорта.

Дом Понятовского

Здесь же уместно вскользь упомянуть недвижимость *полковника Иосифа (Осипа) Игнатъевича Понятовского* (около 1766 – 1844; идентифицировать личность мне помог генеалог С.Г. Решетов), занимавшую территорию нынешнего Музея западного и восточного искусства по улицам Пушкинской, № 9, Греческой, № 16,⁵²¹ которая позднее отошла к Абазе, а затем к Рафаловичу. В пушкинское время тут уже были довольно солидные строения, причем первичная застройка началась рано, угловое место на генплане отмечено застроенным уже в 1802-м. Она поэтапно расширялась. В хранящемся в Российском государственном архиве древних актов реестре частным домам Одессы, оконченным постройкою в 1820-м году, значится и 2-этажный дом «князя Понятовского с погребом под оным» в VII квартале, № 45 и 46. В 1820-1830-х здесь арендовали помещения известнейшие в городе мраморщики: сперва Пьетро Дженари, а затем Лоренцо Монтебруно.⁵²² Согласно ретроспективным генпланам, это и есть нынешние «музейные места».

По ведомости 1848 года оценка этой недвижимости покойного Понятовского, перешедшая, понятно, к его наследникам, составляла 16.408 рублей серебром.⁵²³ Тут находились как жилые дома, так и хлебные магазины. В 1822-м Понятовский приобрел один из хуторов Кобле – тот, что был на Водяной балке.⁵²⁴ Этот хутор у него впоследствии взял в аренду неизвестный Жан Даваллон, издатель первой одесской газеты.⁵²⁵

Ланжероновский спуск (II квартал)

Обходя дома Рено слева, Пушкин оказывался на Ланжероновской улице, заканчивающейся довольно крутым спуском к Таможенной площади. Все строения по правую руку на этом квартале мы уже рассмотрели. А за Итальянской первым справа был дом помещика поручика *Бугаевского* – Пушкинская, № 1, по нынешней нумерации, а по первичной – II квартал военного форштата, место № 12. Теперь тут другое строение, однако очень может

быть, что в нижней его части не сохранились какие-то элементы первичной застройки. Без специальных исследований очень трудно делать внятное заключение. Мысль о сохранности архаических элементов навевают следующие обстоятельства.

19 июля 1823 года в заседании Строительного комитета было оглашено заключение архитектора Боффо, прошедшего соответствующее освидетельствование: дом «построен по симметрии и не противно архитектуре»⁵²⁶. В 1820-х, до мая 1828-го, в этом здании помещался *благородный мужской пансион Генриха Веплера*.⁵²⁷ Это ли не опосредованное свидетельство качества постройки? Она выглядит довольно значительной и на всех городских планах 1802-1828 гг., угольной формы, протяженность длиннее по улице Итальянской. Возможно, домовладелец – тот самый Бугаевский, который в чине прапорщика отличился в сражении 14 августа 1812 года под Красным.

Из снятого с натуры рисунка Ж.В. Гаюи (1819-1820 гг.) отчетливо видны все постройки в этом квартале по нечетной стороне. Дом Бугаевского рельефно выделяется на фоне окружающих построек своими габаритами, монументальностью. Соседние строения на местах № 9, 10, 11 тоже двухэтажные, однако высота их значительно меньше, и выглядят они архаичнее.

Других больших по площади строений в этом квартале на ранней стадии застройки не было по причине косогора строительной площадки, опасности инженерно-геологических неприятностей. Тем не менее в 1810-х застройщики стали проявлять немалый интерес к этой площадке, но правой, более удобной ее части, со стороны Дерибасовской. Прелюбопытна история отвода двух чрезвычайно выгодных мест, № 5 и № 6, во II квартале Военного форштата, на пересечении Дерибасовской и Польской улиц, графу Венансону. По современной нумерации – это застройка по улице Дерибасовской, № 2 и № 4.

Полковник и кавалер *граф Осип (Иосиф) Петрович Венансон* (1777 – после 1828) подал прошение в ОСК 12 июля 1811 г. Комитет навел справки и установил, что в 1795 г. инженерная команда отвела их небезызвестному коллежскому советнику *А.И. Алтести* (фавориту Платона Зубова). Места эти позднее получила не менее известная в региональной истории фигура – графиня *Александра*

Васильевна Браницкая, мать Е.К. Воронцовой. Оные участки были обнесены забором. На одно из этих мест выходила часть землянки с соседнего места, где находился купленный графией у предыдущего владельца дом и сад. Она предполагала строить солидный плановый дом с соответствующими службами. Через живущего в упомянутой землянке смотрителя, отставного прапорщика, находящейся в неблизком поместье Браницкой объявили, чтоб она застраивала места, иначе их отнимут. И хотя можно привести массу примеров, когда лиц подобного

Портрет графини А.В. Браницкой с детьми

калибра не слишком торопили с исполнением, в данном случае места поспешно отобрали. 11 января 1812 г. их отдали графу Венансону, заплатившему лишь 450 рублей за старые стройматериалы.

В чем же тут, как нынче говорят, фишка? А в том, что Венансон служил начальником штаба в дивизии герцога де Ришелье. Небезынтересно, что в том же году Венансон отправился на театр военных действий и, разумеется, так и не сумел застроить отведенные ему места. При освидетельствовании в конце 1814-го здесь нашли очередную «незавершенку»: часть выведенных стен, забор и заготовленный штучный камень. На сей раз – ситуация поистине анекдотическая! – та же графиня Браницкая уплатила оценочные деньги за материал и вернула себе прежние места.⁵²⁸ Ф.Ф. Вигель приводит следующее высказывание Браницкой: «Меня все бранят за то, что я не строю дворца. Я люблю садить (то есть разводить сады. – **О. Г.**), а не строиться; одно потруднее другого и требует гораздо более времени. После меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморные палаты, будет ему из чего».

Портрет А.В. Браницкой

По одной из версий, граф Венансон не сумел застроиться по причине крайне неблагоприятно сложившихся, скажем так, пикантных обстоятельств. В 1811 году он в числе прочих сопровождал метрессу императора Александра Павловича М.А. Нарышкину в ее вояже по Тавриде. «Этот бедный малый, – сообщает граф Рошешуар, – очень красивый мужчина, показал себя чрезмерно услужливым по отношению к знатной даме. Она ли позже подшутила над ним в разговоре со своим августейшим любовником, или чей-либо злой язык донес об этом императору,

но как бы то ни было, граф де Венансон воевал блистательно во время кампаний 1812-го, 1813-го и 1814 годов, не получив ни звания, ни награды; он оставил службу в России, возвратился в Сардинию (в 1816-м. – **О. Г.**), на родину, и очень быстро получил звание генерал-лейтенанта».⁵²⁹

Рошешуар несколько сгущает краски. О.П. Венансон за отличие в упомянутых кампаниях был произведен в генерал-майоры 28 октября 1814 года, имел российские награды: ордена Св. Анны 2-й степени с алмазами, Святого Владимира 3-й и 4-й степеней, Святого Иоанна Иерусалимского, золотую шпагу и др.⁵³⁰ Прохладное отношение императора к сардинскому дворянину связано с обстоятельствами известной в российской истории дуэли генерал-майора Бахметьева и штабс-капитана Кушелева, на которой Венансон был секундантом второго.⁵³¹ Другими словами, граф удалился из России, поскольку его подвиги не были оценены по достоинству, и он понимал бесперспективность дальнейшей службы. Так или иначе, а этот сюжет наглядно иллюстрирует причины, по которым некоторые офицеры не сумели построиться в Одессе.

Меж тем Венансон планировал застроить свои места очень и очень солидным зданием: об этом говорит высокая оценочная стоимость заготовленного им материала. Доверенное лицо графа, Шарль Сикар, в июне 1817 года получил хранящиеся в ОСК 5.988 рублей, уплаченных поверенным графини Браницкой капитаном Шершеневичем для передачи законному владельцу⁵³² Это было бы сооружение вроде построенных вскоре грандиозных по тем временам домов Фундуклея и Кошелева, о чем мы уже говорили.

Но обстоятельства сложились так, что вместо Венансона эту задачу с еще большим успехом выполнила Браницкая. В 1823-1824 гг. это была недвижимость с самой высокой оценочной стоимостью в Одессе – 140.000 рублей. Лишь дом с магазинами графа Мошинского на 10.000 рублей выше по стоимости. Для сравнения заметим, что прекрасный дом графа Ржевуского на углу Ришельевской и Греческой улиц оценен в 100.000 рублей.⁵³³ И еще характерный момент: огромный двухэтажный дом Браницкой в это время дохода вовсе не приносил. Почему? Ответ определенно такой: одна из богатейших в империи дам не нуждалась в подобных барышах и резервировала здание для себя, семьи, челяди. Ведь это как раз тот самый период, когда ее дочь с супругом обосновались в Одессе, а далее, как принято говорить, по тексту.

Безусловно, тут устраивались приемы и прочие светские мероприятия. Присутствовал ли на них Пушкин, неизвестно, однако, принимая во внимание его общение с польскими шляхтичами в этот период, такое допущение вполне приемлемо.

Дом Роскета (Черновой)

Здесь появляется повод обсудить несколько очень любопытных вопросов, в продолжение многих лет так и не решенных исследователями, и в первую голову – пушкинистами. Это, прежде всего, локализация местоположения городского дома отца *А.О. Смирновой-Роскет*, а также судьба хутора и недвижимости в целом. Занимаясь этой проблематикой несколько десятилетий, я, по счастью, нашел четкие и однозначные ответы.

Путаницу вносят «показания» самой Сашеньки, воспоминания которой относились к ранней поре детства и грешат анахронизмами. Так, она говорит о маленьком доме на Дерибасовской улице, скорее всего, отождествляя родительский кров с одноэтажным домом близкой к ним госпожи Попандопуло, который действительно находился в ту пору на углу нынешних улиц Дерибасовской и Гаванной. Такое предположение покажется более убедительным, если учесть замечание Смирновой о житье неаполитанской королевы Марии-Каролины во время ее одесского пребывания (1813 г.) в «карантинном доме», чего, конечно, не могло быть ни по соображениям этикета, ни по чисто техническим причинам. Но царственная особа вполне могла обитать в доме карантинного начальника О.И. Россета, и тогда его семейство должно было на немалый срок переместиться в другое обиталище, скажем, в дом генеральши А.А. Попандопуло.⁵³⁴ Мы имеем еще запись в журнале заседаний Строительного комитета от 27 ноября 1813-го о распилке гнилых мачт на отопление «двух домов, занимаемых ее величеством королевою».⁵³⁵ Эта информация хорошо подвостычивается к предыдущей, учитывая, кроме всего прочего, и тот факт, что занимающаяся нас недвижимость Россета складывалась из нескольких флигелей.

Архивные разыскания подтверждают такую точку зрения, ибо собственный дом Россета, как выясняется, находился именно вблизи Карантина. Впрочем, упоминание этой недвижимости как раз в год рождения Сашеньки (1809) снова вносит сумятицу в локализацию: запись в журнале Одесского строительного комитета от 12 марта упоминает находящийся в залоге по контрактам (подрядам, очевидно, заключенным Поджио) «дом коллежского советника и кавалера Россети, состоящий на Военном форштате под № 557-м», оцененный в довольно значительную по тем временам сумму 15.550 рублей.⁵³⁶ Квартал не указан, однако номер означает место, как раз примыкающее к дому Попандопуло по Дерибасовской! Тем не менее, дома на этом участке не было и быть не могло, поскольку это место, как и три смежных, по Дерибасовской и Ланжероновской, относилось к Коммерческой гимназии, а далее к Благородному институту (Ришельевскому лицей). Тут

был гимназический, затем институтский и лицейский сад, каковые четко и однозначно показаны на синхронных городских планах.⁵³⁷

У меня нет точного объяснения таковой нумерации, а лишь предположение об отводе сказанного места под застройку Россету в том же году, что и тогда еще полковнику Попандопуло (1802). В конце этого года Россет и появился в Одессе. Затем, когда примыкающий справа «дом главного начальника» (де Рибаса) передали гимназии, карантинному начальнику отвели другое, весьма удобное место, а это,

еще не застроенное, передали учебному заведению, однако прежний номер ошибочно сохранился за новыми строениями. Как бы то ни было, дома Россета тут быть никак не могло.

Смирнова-Россет сообщает о том, что отец ее скончался от чумы, однако сие вызывает большие сомнения, ибо Осип Иванович ушел из жизни в конце 1813 года, через много месяцев после ликвидации катастрофической эпидемии. Россет еще принимал участие в заседании Строительного комитета 20 ноября, далее отсутствовал (заседания проходили как минимум дважды в неделю, и присутствие карантинного начальника было обязательным), а умер 10 или 11 декабря.⁵³⁸ Следовательно, Россет болел около трех недель, что не вяжется со скоротечностью бубонной чумы. Вероятно, пронзительные детские воспоминания накладывались друг на друга, тем более для ребенка, находившегося в самой гуще событий, отсюда соответствующие ассоциации. Вообще, трудно себе представить единичный случай заражения чумой в конце 1813 года, да еще пережившего катастрофу опытейшего карантинного инспектора.

А.О. Смирнова-Россет

С начала весны 1812 года Строительный комитет арендовал дом О.И. Россета для жительства разыгрывавшей в Городском театре простенькие водевили труппы русских актеров. Из журнала комитетских заседаний от 28 сентября 1814 года видно, что к этому времени накопился долг перед домовладельцем за два года и семь месяцев, из расчета 600 рублей в год, итого 1.550 рублей.⁵³⁹

Теперь перейдем непосредственно к разгадке местоположения этого дома, каковое связывает несколько любопытнейших сюжетов ранней истории Одессы. Начну с цитаты из первого серьезного исследователя истории плановой застройки города В.А. Чарнецкого: «Как видно из «Автобиографии», семья Смирновой-Россет, владея домом на Дерибасовской, проживала в казенной квартире в карантине, и только после кончины отца переселилась к себе. Вполне естественно, что, проживая в карантине, Россет где-то там же разместил и типографию, которая, конечно, обслуживала и карантин. Потому-то в реестре 1811 г. она и числится за карантинной конторой. Оставшись без хозяина, да еще и на казенной площади, типография оказалась в тягость семье. А потому была спешно продана, хотя Россеты прожили в Одессе еще более трех лет».⁵⁴⁰

Покупка городом частной типографии покойного Россета – отдельная история. Здесь же бросается в глаза вот что. При всем уважении к авторитетному краеведу и логичности его построений, с ними никак нельзя согласиться. Дело не в том, что Смирнова-Россет нигде не называет обиталище своего семейства в карантине казенной квартирой, а в том, что, будучи одесским домовладельцем, карантинный инспектор вообще едва ли мог иметь таковую квартиру. А «квартира» понадобилась бы изрядная. Не говоря уже о том, чтобы «где-то там», на дефицитнейшей казенной площади, помещать приносящую доход частную типографию. Такое даже в голову не могло прийти столь добросовестному чиновнику и человеку чести, каким был Россет.

Следовательно, он имел собственный приличный дом неподалеку от Карантина. Обнаруженная архивная информация убедительно демонстрирует, что так оно и было на самом деле. В литературе иногда упоминается находившийся на Приморском бульваре, в районе нынешней Думы (старой биржи), дом (ком-

плекс построек) надворной советницы Черновой,⁵⁴¹ в котором как раз квартировали актеры Городского театра. Поэтому я и заподозрил: а не это ли искомый объект, и не продала ли его Надежда Ивановна Россет после брака с небескорыстным Арнольди?

Именно так. 17 августа 1818 года в Строительный комитет было подано прошение помещицы полковницы (на самом деле – очевидно, подполковницы. – **О. Г.**) *Александры Черновой*. Она пишет, что приобрела с публичного торгу места «на Военном форштате в I квартале по смежности одесской портовой таможни», на которых желает произвести «постройку по плану», однако не имеет представления о точных мерах. Просит, чтобы городской архитектор указал границы участка.⁵⁴² Здесь мы еще не видим имени прежнего владельца, которое появляется немного позже. 20 сентября 1820 года Чернова вновь повторяет свое прошение об указании ей архитектором границ местам. При этом она прямо сообщает *о приобретении в 1817 году с публичного торгу дома покойного коллежского советника Россети*. Время идет, границы никак не указывают, и она не может строиться. Простение получено в Комитете 28 сентября, резолюции нет,⁵⁴³ однако мы располагаем подробным синхронным планом строений, означающим, что меры определены и узаконены.

На этом плане отмечено не только местоположение всех флигелей бывшего дома Россета в масштабе, но и контуры казарм некогда располагавшегося здесь «военного городка», театра и Театральной площади, прилегающих кварталов, таможенного здания (бывший дом Мещерского). Места Черновой занимают площадь не только нынешней Думы, но и Археологического музея.⁵⁴⁴

4 июля 1821 года коллежский советник Николай Даревский (директор Променной банковской конторы) по доверенности Черновой просил разрешения перекрыть крышу дома, доставшегося по купле от госпожи Россет. 29 июля Строительный комитет не нашел препятствий к этому, поскольку перекрываемые строения находятся «внутри двора», то есть никак не изменится облик фасада.⁵⁴⁵ Исправления были произведены, и уже с осени 1821 года дом Черновой был снова нанят для жительства актеров, в данном случае солистов итальянской оперы, состоявших в труппе Гульельмо Буонаволио. При этом назначена довольно высокая

арендная плата, 3.300 рублей в год.⁵⁴⁶ Впрочем, Чернова успела получить лишь две трети этой суммы, ибо «доход с того дому» был арестован «по предписаниям начальства».⁵⁴⁷

Почему возникли некие финансовые нестыковки? Чернова приобрела дом с публичного торгу, а не прямо из рук Надежды Ивановны Россет (Арнольди). Кроме того, известно, что эта недвижимость служила залогом по подрядам. Из этого можно заключить: дом назначили в продажу на погашение долгов подрядчика, и лишь часть суммы досталась владельцам. Но из дальнейшего хода дел видно, что Чернова сполна не рассчиталась с Россет-Арнольди. Судя по всему, они по-соседски и по-приятельски (как землевладельцы) заключили словесное соглашение, однако покупщица оказалась несостоятельной. Вокруг этого дома вообще наблюдается серия неких спекуляций, что видно, например, из определения его оценочной стоимости и арендной платы за наем. Так, при оценке для назначения налога с недвижимости в городскую казну проставлена сумма 25.000 рублей, а при синхронной продаже в Херсонском губернском правлении по претензии генерал-майорши Арнольди – лишь 8.150 рублей. Что-то маловато, учитывая упоминавшуюся гораздо ранее оценку – 15.500. На этих обстоятельствах стоит остановиться поподробнее.

13 августа 1824 года в Строительном комитете заслушивалось письмо градоначальника графа А.Д. Гурьева: «...по высочайше подтвержденному плану театральной площади и строительному около нее кварталу, назначенный на оном бульвар, оканчиваемый уже отдельно, должен быть продолжен до строений, в коих помещается теперь здешняя таможня, но сему препятствует дом надворной советницы (а это VII класс, равноценный подполковнику. – **О. Г.**) Черновой, состоящий на берегу моря. Сколько к исполнению высочайшей воли о устранении сего квартала согласно плану, столько и для открытия вида на море и окончания бульвара, помянутый дом должен быть сломан, и владелица вознаграждена за убытки».

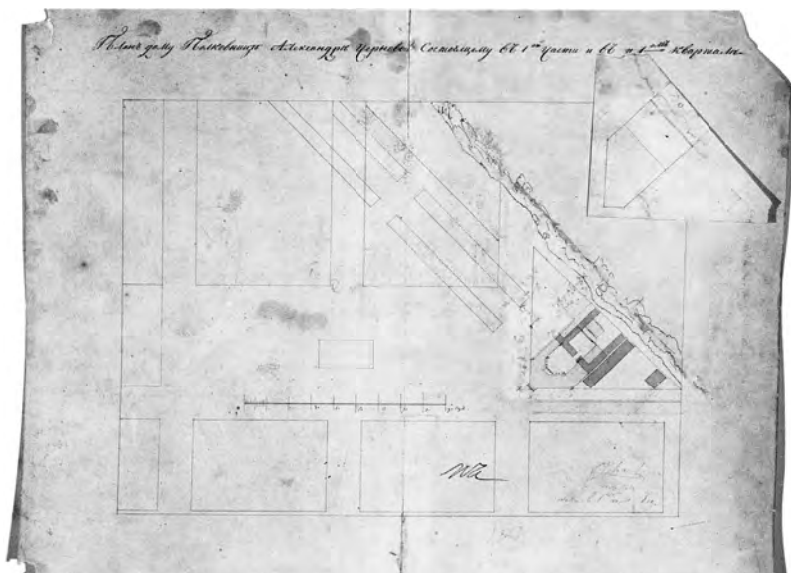
Чернова объявила, что менее 25.000 рублей не возьмет. Однако этот самый дом по претензии генерал-майорши Арнольди описан и оценен в 8.150 руб., и в Херсонском губернском правлении назначен в продажу с публичного торгу. Поэтому Гурьев решил, что

выгоднее принять в торге участие, и просил Воронцова о дозволении. Воронцов одобрил резолюцией: «сделать Черновой вознаграждение такую цену, какая будет последнею при аукционной продаже означенного дома». Для участия в торгах 4, 8 и 10 июля 1824-го был командирован надворный советник Францен (Николай Алексеевич, состоял при Гурьеве по особым поручениям). Он торговался наравне с прочими лицами, и 11 июля дом остался за ним при цене 9.625 рублей.

Однако тут возникло следующее осложнение. Комплекс принадлежавших Черновой строений приносил весьма солидный по тем временам доход – только за квартирование артистов 3.300 рублей в год. Не исключено, сдавались в аренду и другие помещения. По существующим же правилам, при таком раскладе назначенная на аукционной распродаже цена должна была быть соразмерна получаемой от недвижимости прибыли. «Поелику же сложность годовых доходов далеко превышает сию сумму, то от присутствия Херсонского губернского правления объявлено ему, что оно само собою утвердить ему (Францену. – О. Г.) продажи дому за 9.625 р. не может», о чем правление и уведомляет Гурьева. При этом чиновник еще и издержал на прогоны 86 руб. 40 коп., каковые ему положено вернуть.⁵⁴⁸

Из всех этих выкладок, между прочим, явствует, что во все время одесского пребывания Пушкина большая часть итальянской оперной труппы проживала в доме Черновой, бывшем Россет, фактически находившемся на тогдашней Театральной площади, в каком-нибудь квартале от дома Рено, где поэт обитал в так называемой Клубной гостинице.

Продолжаю тему возможности махинаций вокруг «нашего дома» материалами архивного дела 1826 года под заголовком «Для сведения о том, чтобы дом полковницы Черновой, нанимаемый ныне для театральной труппы, так как оный назначен в продажу с публичного торгу, впредь не нанимать». Резюме четко обозначено в указании Строительному комитету новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова от 1 февраля: «Комитетом сим нанимаем был дом полковницы Черновой для театральной труппы; дом, назначенный по высочайше утвержденному плану города Одессы в сломку и находящийся в ветхом

План дома Черновой

положении. По высокой цене, за которую нанимаем был тот дом, я имею некоторое сомнение, не скрывалось ли тут какое злоупотребление, но как бы то ни было, желаю, чтобы на будущее время помянутый дом не был нанимаем Комитетом ни для каких надобностей, Между тем как дом сей продается с публичного торга в здешнем Коммерческом суде, а по сделанному мною распоряжению должен участвовать в покупке оного для города, и Комитет чрез своего чиновника; то я предлагаю отрядить для сего инспектора Якубовского с подробным наставлением действиям его, какие он обязан будет иметь при торгах на помянутый дом...».⁵⁴⁹

Коллежский советник Осип Андреевич Якубовский служил инспектором по канцелярии Комитета.⁵⁵⁰ Что касается подозрений Воронцова в злоупотреблении, их нельзя совершенно исключить, однако и нечем подтвердить. 3.300 рублей в год действительно кажутся несколько завышенной арендной платой, однако лишь невооруженным глазом. Судите сами, когда наш герой (и анти-

герой) «полковник артиллерии Арнольди квартировал без двух дней месяц» у полковника Аркудинского, была назначена арендная плата из расчета 500 рублей в месяц. Это было через два года после продажи бывшего дома Россет, в августе-сентябре 1819 года.⁵⁵¹ Дома Аркудинского находились на Преображенской: один на месте Художественного училища имени Грекова, другой – на месте дома Дурьяна, на углу Херсонской. Известно, сколь дорого обходился наем домов для учреждений, чиновников, учебных и богоугодных заведений. Поэтому, учитывая, что в доме Черновой, несмотря на не особую презентабельность, имелось пять флигелей, высокая арендная плата вполне реальна. Хотя нельзя исключить и сговор хозяйки с импресарио и комитетским чиновником.

Эпопея завершилась лишь в 1828-м. 12 и 16 мая в «Одесском вестнике» опубликовано следующее официально сообщение: «От Одесской городской думы объявляется, что в оной будет продаваться дом городской, заключающий в себе пять флигелей, купленный у надворной советницы Черновой, состоящий в конце бульвара вблизи уездных присутственных мест, на сломку с очисткою места. Желющие купить сей дом на вышеизъявленном положении благоволят явиться в Думу к торгам 15-го, 16-го и 17-го чисел текущего месяца, назначенным с 9-го часа до 2-го пополудни. Мая 10-го дня 1828 года».⁵⁵² За какую сумму город сторговался с Черновой, пока неясно, но она наверняка превышала прежнюю аукционную. После ликвидации флигелей Черновой появилась возможность продолжить реализацию устройства Приморского бульвара, и в том же году началась история постройки здесь Старой биржи.⁵⁵³

Примечания

⁴⁸⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 38-48.

⁴⁸⁷ Там же, оп. 5, д. 257, л. 172-173.

⁴⁸⁸ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 113-116; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 207-208.

⁴⁸⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 148; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 481-482.

⁴⁹⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 193.

⁴⁹¹ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 603.

- 492 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 373.
- 493 Воспоминания графа Леона Рошешуара, адъютанта герцога Ришелье, об Одессе и Новороссии. – Одесса: Optimum, 2009, с. 108.
- 494 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 3 – 3 об.
- 495 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 269, л. 95-96; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 260, 261, 262-263.
- 496 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 6.
- 497 Там же, № 7.
- 498 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 303.
- 499 Там же, л. 300.
- 500 Там же, д. 279, л. 124.
- 501 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 195-196.
- 502 Там же, ф. 4, оп. 3А, д. 1719, л. 6.
- 503 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 241-244; Там же, оп. 1, д. 80, л. 266-270.
- 504 Там же, оп. 2, д. 36, л. 24, 27.
- 505 Там же, д. 165, л. 274.
- 506 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 370.
- 507 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 411, 413, 414.
- 508 Там же, л. 514, 517, 519, 522, 523.
- 509 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 362 об. – 363.
- 510 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4, 24-25, 158-161.
- 511 Там же, д. 132, л. 11.
- 512 Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.
- 513 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 110-115.
- 514 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 4-13, 253-256; Там же, д. 127, л. 395.
- 515 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 169.
- 516 Там же, л. 139 об.
- 517 Там же, д. 273, л. 360 об. – 361.
- 518 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 395.
- 519 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 242; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 4.
- 520 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 3 об., № 44.
- 521 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 222.
- 522 НК на 1837-й год. – С. 162.
- 523 Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 4.

- 524 ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 2 об.
- 525 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 90. – 30 л.
- 526 Там же, д. 284, л. 105.
- 527 Одесский вестник. – 1828, 5 и 16 мая, № 36 и 39.
- 528 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 41, 42.
- 529 Воспоминания графа Леона Рошешуара, адъютанта герцога Ришелье, об Одессе и Новороссии. – Одесса: Optimum, 2009, с. 122-123.
- 530 Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. Т. VII, с. 334-334.
- 531 Владислав Петров. Русская дуэль // Дружба народов, 1998, № 5.
- 532 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 466.
- 533 Там же, ф. 4, оп. 1А, л. 8-14.
- 534 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 420, 523.
- 535 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 369.
- 536 Там же, д. 259, л. 180-181.
- 537 ОГИКМ, инвентарный № К-602. – Plan de la ville d'Odessa. 1814.
- 538 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266.
- 539 Там же, д. 267 л. 222-223.
- 540 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 108.
- 541 Там же, с. 35.
- 542 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 304.
- 543 Там же, д. 165, л. 359-360.
- 544 ОГИКМ, инвентарный № К-436.
- 545 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 630-631.
- 546 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 270.
- 547 Там же, д. 282, л. 421-422.
- 548 Там же, д. 286, л. 328, 329, 330, 331, 332.
- 549 ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 420, л. 2.
- 550 Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1826 год. – Ч. 2, с. 206.
- 551 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 255.
- 552 Одесский вестник. – 1828, 12 и 16 мая, № 38 и 39.
- 553 ГАОО, ф. 59, оп. 1А, д. 46. – В пяти томах.